

Палеоглиптика прибрежных территорий северо-западной части Тихого океана: история изучения и критерии выделения

А. И. Панкина^{1,2*}

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Рассмотрены основные теоретические проблемы, возникающие при работе с таким источником древнейшего искусства, как «палеоглиптика» (скульптура, выполненная техникой расщепления камня). Отмечено, что в первую очередь это касается деления археологического материала на «утилитарное» и «неутилитарное», определения границ искусства и методов исследования. Для решения указанных проблем разработаны следующие критерии для анализа «кремневых скульптур», которые подробно обсуждаются на материалах коллекции палеоглиптики прибрежных территорий северо-западной части Тихого океана (северо-западная Пасифика): 1) морфологическая нетипичность артефакта; 2) художественные приемы; 3) планиграфический контекст артефакта; 4) неясность функционального назначения; 5) особенности сырья; 6) совпадение пропорций с прототипом; 7) широкий культурный и географический контекст артефактов.

Ключевые слова: северо-западная часть Тихого океана, северо-западная Пасифика, палеоглиптика, «фигурные кремни», первобытное искусство.

Для цитирования: Панкина А. И. Палеоглиптика прибрежных территорий северо-западной части Тихого океана: история изучения и критерии выделения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2024. Т. 48. С. 25–45. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2024.48.25>

Paleoglyptics of the Coastal Territories of the Northwestern Pacific Ocean: History of Study and Criteria for Identification

A. I. Pankina^{1,2*}

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. One of the most controversial categories of prehistoric art is paleoglyptics, a sculpture made using the technique of stone knapping. Attention to this type of artifacts appeared at the stage of the formation of Stone Age archaeology as a scientific field in the early 19th century, when Jacques Boucher de Perthes described in detail “artistic flints” with anthropomorphic and zoomorphic features in two volumes of “Celtic and Antediluvian Antiquities”. By now, several mutually exclusive opinions on paleoglyptics have emerged in Russian archaeological science: from research works, a significant part of the empirical base of which is made up of “figured flints”, to a complete denial of paleoglyptics as a type of prehistoric art. In this regard, there is a need to consider existing approaches to the analysis of “flint sculptures” and develop an up-to-date list of criteria for their interpretation. We would like to discuss these criteria based on the materials of the coastal territories of the Northwestern Pacific Ocean. This vast region is known for its representative collection of paleoglyptics, discovered both as a result of surface collections and during excavations at stratified sites from the Final Paleolithic to the Paleometal period in the territory from the north-eastern borders of the mainland (Kamchatka and Chukotka) to the south of the Russian Far East (Amur Region, Primorye and Sakhalin). Currently, this collection contains 200 items. Among the subjects are anthropomorphic images, images of animals, including bears, representatives of the canine (wolves/foxes/arctic foxes) and feline (tiger) families, ungulates (moose), fish, marine mammals (cetaceans and pinnipeds), birds, there are also images of inanimate objects and celestial bodies (moonlighters, stars, etc.). To solve theoretical problems, the following criteria for the analysis of “flint sculptures” were developed: 1. morphological atypicality of the artifact; 2. artistic techniques (retouching, drilling, etc.); 3. the planographic context of the artifact; 4. the ambiguity of the functional purpose and the absence of traces of refinement characteristic of a certain utilitarian use; 5. the characteristics of raw materials; 6. the coincidence of proportions with the prototype (including biological classification); 7. the wide cultural and geographical context of the artifacts.

Keywords: coastal territories of the Northwestern Pacific Ocean, Northwestern Pacifica, paleoglyptics, “figured flints”, prehistoric art.

For citation: Pankina A. I. Paleoglyptics of the Coastal Territories of the Northwestern Pacific Ocean: History of Study and Criteria for Identification. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2024, Vol. 48, pp. 25–45. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2024.48.25> (In Russ.)

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

Способность человека создавать предметы искусства является одной из видоспецифичных характеристик, отличающих его от всех остальных живых существ. На протяжении многих лет ведутся оживленные споры о том, как человек «изобрел» искусство и какие первоначальные функции оно выполняло, каким образом искусство связано с эволюцией человека и его нейрофизическими способностями. В центр дискуссий обычно помещаются общепризнанные шедевры верхнего палеолита: наскальная живопись и резная скульптура (памятники Западной и Восточной Европы, Сибири).

Однако разговор о происхождении и развитии искусства не может быть полным и достаточно объективным, если не учитываются все известные к настоящему моменту его образцы. В археологии существует проблема малоизученности отдельных категорий первобытного искусства, в том числе гравировок и скульптуры, выполненной техникой расщепления камня (палеоглиптика, «художественные кремни», «кремневая скульптура»)⁶.

Перекося в изучении «спорных» предметов опосредован рядом факторов. В отношении палеоглиптики проблемы с ее признанием связаны напрямую как со спецификой самого материала (технология расщепления камня не позволяет детализировать образ), так и со сложившимися стереотипами в отношении особенностей самих артефактов. Техника расщепления камня привычно фигурирует в исследованиях, посвященных процессу создания каменных орудий, применявшихся в бытовых операциях. В то время как за первобытным искусством закрепился ряд других шаблонных представлений, порой ограничивающих рамки возможного исследования.

К настоящему моменту в отечественной археологической науке сложилось несколько взаимоисключающих мнений о палеоглиптике. С одной стороны, имеются исследовательские работы, весомую часть эмпирической базы которых составляют «фигурные кремни» [см. напр.: Кирьяк, 2000], с другой – позиция, четко выраженная в четырехязычном словаре терминов археологии палеолита, где любой «фигурный камень» определяется как *«изделие из камня причудливых в плане очертаний, принимаемое малокомпетентными археологами за произведение искусства»* [Четырехязычный ... , 2007, с. 207].

Очевидно, что подобный скептицизм имеет под собой вполне реальные основания, поскольку случаи чрезмерной или неаргументированной интерпретации спорных предметов хорошо известны [Грязнов, Столяров, Рогачев, 1981, с. 289–295]. Тем не менее в последние десятилетия появляются как новые публикации о находках палеоглиптики, так и аналитические работы, где предлагаются теоретические подходы к данному типу артефактов. «Художественные кремни» широко представлены в экспозициях региональных и федеральных музеев, а начавшая свое пополнение еще в середине XIX в. коллекция палеоглиптики Северной Евразии к настоящему моменту насчитывает несколько сотен экземпляров.

В связи с указанной проблемой имеется необходимость рассмотреть существующие подходы к анализу «кремневых скульптур» и выработать актуальный

⁶ В настоящей работе термины «палеоглиптика», «художественные кремни», «кремневая скульптура» понимаются как синонимичные и взаимозаменяемые. Термины «пластика», «плоская скульптура», «мобильное искусство» – более широкие понятия, включающие в себя также изделия, выполненные в других техниках и из других материалов.

список критериев для правомерности выделения данных предметов в категорию первобытного искусства и для последующей их интерпретации. Обсуждение этих критериев мы хотели бы провести на материалах территорий северо-западной части Тихого океана (части северо-западной Пасифики), поскольку этот обширный регион известен представительной коллекцией палеоглиптики, обнаруженной как в результате подъемных сборов, так и на стратифицированных памятниках от эпохи финального палеолита до палеометалла от северо-восточных границ материка (Камчатка и Чукотка) до юга Дальнего Востока России (Приамурье, Приморье и о. Сахалин).

О терминах и проблемах их понимания

Прежде чем обсуждать критерии палеоглиптики, необходимо уделить внимание общим теоретическим моментам, на которых будет строиться дальнейшее исследование. Учитывая наличие большого количества научной литературы, посвященной первобытному искусству, в настоящем разделе не стоит задача ее освещения, а предпринята попытка рассмотреть ключевые проблемы, связанные с пониманием данного термина.

Одно из интересных определений предложено в «Глоссарии палеолитического искусства» Аллена Руссо: *«В изучении первобытного общества любое художественное дополнение к функциональному или бесполезному предмету, независимо от его “красоты”, расценивается как произведение искусства»* [Руссо, 2003, с. 10]. Примечательно оно тем, что под это определение может попасть все, что имеет чуть больше, чем только утилитарный характер. Под «художественным дополнением» понимаются любые элементы, которые нельзя объяснить с позиций функционального назначения для выполнения прямых бытовых операций. Примечательно это определение и тем, что акцент автором сделан на предметы, а не на объяснение самого феномена искусства.

Такая ситуация характерна для многих научных работ и связана как с многозначностью и неопределенностью термина «искусство», так и с тем, что археологи имеют возможность работать только с остатками материальной культуры. Согласно Л. Б. Вишняцкому, стоит разграничивать две области изучения: анализ конкретных видов деятельности, которые объединяются понятием «искусство» и отображены в археологических материалах (форма), и выявление того, что для современного человека (в данном случае исследователя) объединяет все эти виды деятельности и другие, появившиеся позже, в единое целое (содержание). Чаще всего археологические исследования искусства ограничиваются первым [Вишняцкий, 1997, с. 4].

Многозначность термина «искусство» и современное его понимание, которое делает упор большей частью на эстетическую составляющую, неоднократно приводили к дискуссиям и даже предложениям отказаться от его использования в отношении первобытности. Например, О. Соффер и М. Конки предлагали заменить термин Prehistoric Art на Prehistoric Imagery, указывая на ограниченность первого. Опираясь на материалы «незападных культур», исследователи указывали на отсутствие у них аналогичного термина («искусство»), а также дифференциации символического, священного и утилитарного. В отечественной науке также неоднократно высказывались предложения отказаться от термина «первобытное искусство» и использовать вместо него термин «изобразительная деятельность» [Абрамова, 2005, с. 12; Шер, 2009, с. 10].

Несмотря на то что термин «древнейшее искусство» сохраняется и активно используется в научной литературе, многие исследователи признают и отдельно подчеркивают его специфичность и отличие от современных трактовок. Одной из важных особенностей является синкретизм – нерасчлененность основных форм творчества, неотделимость древнейшего искусства от первобытного сознания, требующие изучения и понимания этого искусства и этого сознания в рамках общего социокультурного контекста в тесной связи с другими сторонами жизни древнейшего общества [Лбова, Волков, 2021, с. 87].

В данном случае важно подчеркнуть, что понимание предметов искусства в некотором противопоставлении их бытовым изделиям, с одной стороны, и провозглашением принципов синкретизма, с другой, выглядит несколько противоречиво. Очевидно, что археологическое исследование требует определенной классификации изучаемого материала, в связи с чем в многочисленных работах артефакты публикуются в разных разделах: «материальная культура» и «духовная культура». Важно подчеркнуть, что такое разделение является искусственным, созданным под определенные задачи и ради более удобной организации научного процесса.

На разделение по принципу утилитаризма можно возразить тем, что любой предмет, созданный человеком, имел свою функцию и, вне зависимости от цели и характера манипуляции, в какой-то мере имел утилитарное назначение. Нередко предмет, имеющий бытовую направленность, содержит орнаментальные ряды, фигуративные навершия и другие элементы, которые можно охарактеризовать как «искусство». В письменной традиции более поздних периодов человеческой истории можно встретить случаи отсутствия четкого разграничения деятельности ремесленника и художника, например латинское слово *artifex*, которое в равной степени означает как ремесленника, мастера, так и художника, артиста [Латинско-русский словарь]. Этнографические исследования предоставляют большой материал по грамматике вещного мира, значению вещей не только в их прямом практическом значении, но и семиотическом (вещь как буфер между человеком и средой, как способ упорядочить и обозначить социальное пространство) [Традиционное мировоззрение ... , 1988, с. 157, 188, 194].

Отсутствие утилитарной функции у искусства даже в современном его понимании (с учетом господствующей концепции Art for Art) подвергается существенной критике и является предметом дискуссий среди исследователей [Каган, 1972, с. 321–322]. Учитывая вышесказанное о синкретизме первобытного творчества, как наиболее приемлемую можно принять ту позицию, которая подразумевает вариативность расположения одного и того же предмета в категориях «искусство» и «неискусство» во времени в зависимости от того, какие его качества преобладают в каждый конкретный момент. Более того, как отмечает Д. А. Севостьянов, нередко оптимальное выражение утилитарной функции в том или ином предмете невольно присовокупляет к себе и эстетический фактор, который приобретает самодовлеющее значение, когда данный предмет технологически устаревает [Севостьянов, 1995, с. 155–156].

Подобные примеры имеются и в археологической науке. О. Монтелиус, разрабатывая теорию типологии артефактов, рассматривал коленчатые цельнолитые металлические ножи карасукского и тагарского типа, которые повторяли изогнутую форму составного каменного ножа с деревянной рукояткой докарасукского

типа. Подобное сохранение формы, не имеющее утилитарного назначения, считается реликтом и может иметь значение декоративного элемента [Мартынов, Шер, 1989, с. 132–133].

Таким образом, признак утилитаризма, точнее его отсутствие, вызывает ряд вопросов и оговорок и не может считаться однозначным индикатором, отличающим предметы искусства. В таком случае возникает закономерный вопрос, какие границы мы можем выявить у искусства и как правильно определить тот или иной артефакт?

При изучении предметов «высшего искусства», как нередко называются примеры наскальной живописи, резные скульптуры, тщательно обработанные украшения, такой вопрос интуитивно отпадает у исследователя. Художественные, вероятно, ритуальные и даже эстетические черты выступают на первый план, в то время как утилитарное назначение отодвигается на второй [Окладников, 1967, с. 103]. Однако, когда речь идет о «художественных кремнях» или маловыразительных гравировках на бытовых предметах, этот вопрос становится гораздо острее.

Отвечая на него, мы будем исходить из следующих установок, разработанных в рамках практической иконоки⁷: 1) наскальная живопись, гравировки, мобильная скульптура, в том числе и палеоглиптика, принадлежат к изобразительному типу творчества и созданы в результате осознанных двигательных операций человека; 2) в основе таких изображений лежит определенный подобраз (иконографический архетип) реального объекта, который автор воплощает в своем творчестве посредством собственной изобразительной моторики; 3) главной особенностью подобраза является его способность к восприятию другим человеком (зрителем), а разрушение подобраза приводит к потере предметом искусства своей основной задачи (передачи авторской позиции). Примером в таком случае можно считать пятна Роршаха, в которых зритель может увидеть любое ему знакомое очертание какого-либо предмета, однако они полностью лишены позиции самого автора [Севостьянов, 1995, с. 122, 160–161].

Таким образом, границу между предметами изобразительного искусства и неискусства можно определить появлением подобраза, который воспринимается человеческим сознанием. Одним из важнейших критериев в таком случае является морфология предмета (изображения), его узнаваемость, пропорции и т. д. Промежуточное положение в построенной градации занимают манупорты – природные объекты, имеющие необычную узнаваемую человеческим сознанием форму, отобранные из естественной среды и осознанно принесенные на памятник.

Механизм узнаваемости того или иного образа человеческим сознанием в случайных формах и предметах искусства является лишь частным случаем визуального восприятия мира в целом. Дальнейшее обсуждение функционирования этого механизма выходит за рамки данного исследования и лежит в плоскости нейрофизиологии и психологии. Однако подобные способности человеческого сознания проявляются уже в среднем палеолите, когда на памятниках фиксируются находки естественных предметов с узнаваемыми формами и/или с небольшой их доработкой: манупорт «личины» из Макапансгата, «маска» из пещеры

⁷ Практическая иконока – наука об изображениях, сделанных рукой человека, – междисциплинарное направление, изучающее механизмы образно-визуального моделирования.

Ла-Рош-Котар и др. Подобные предметы нередко рассматриваются как закономерная предыстория фигуративного изобразительного искусства [Столяр, 1985, с. 212–220; Marquet, Lorblancher, 2003, p. 664].

Несомненно, подход к определению предметов искусства через определение морфологии имеет свои ограничения. В первую очередь это касается трудности интерпретации древних изображений, поскольку современный человек в силу особенностей своих жизненных реалий может увидеть совершенно иной подобраз. Красноречивым примером такой ситуации является эксперимент, когда австралийскому шаману было предложено проинтерпретировать палеолитическую пещерную живопись Франции (Ляско и Шове). Так, мамонты, лошади, бизоны – плейстоценовая фауна – превратились в кенгуру и крокодилов [Волков, 2020, с. 199–200].

Возможность преодолеть или хотя бы минимизировать такого рода ограничение нам видится в обращении к широкому контексту исследуемых объектов искусства. Кроме того, пристальное внимание необходимо уделять экологическим условиям (особенностям ландшафта, климата, составу флоры и фауны), поскольку именно эти параметры во многом определяют деятельность и, впоследствии, материальную и духовную культуру человека.

Палеоглиптика прибрежных территорий северо-западной части Тихого океана: краткая история изучения

Внимание к палеоглиптике как к одной из категорий первобытного искусства появилось еще на этапе формирования археологии каменного века, когда Жак Буше де Перт в двух томах «Кельтских и допотопных древностей» подробно описал «художественные кремни», имеющие антропоморфные и зооморфные черты [Ларичев, 2002, с. 9–14]. В России во второй половине XIX в. А. С. Уваров опубликовал капитальную работу «Археология России. Каменный период», где была воспроизведена большая часть известных к тому моменту «кремневых скульптур», обнаруженных на территории Северо-Восточной Европы [Уваров, 1981, т. 2, с. 191, 225, табл. 4, 31].

Уже в 1948 г. вышла обстоятельная статья С. Н. Замятина, на данный момент являющаяся единственной обобщающей работой, в которой были рассмотрены все известные к тому моменту предметы палеоглиптики. Автор поднимает проблему малоизученности данной категории памятников в России, сравнивает коллекции Северо-Восточной Европы с материалами Камчатки, Египта, Канады, Аляски, Мексики. Помимо детальных описаний С. Н. Замятин предлагает интерпретацию таких изделий как ритуальных предметов, которые могли использоваться в качестве наконечников для умерщвления жертвенных животных [Замятин, 1948, с. 86–123]. Впоследствии центры исследования палеоглиптики в России появились на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Материалы Дальнего Востока, в силу обширности региона, исследовались неравномерно. Первые упоминания о «фигурных кремнях» появились после экспедиций на крайний северо-восток Азии. В письмах В. И. Йохельсона уже в 1910 г. встречаются описания алеутской скульптуры на камне, а чуть позже в публикациях Д. Н. Лева и С. И. Руденко были подробно описаны шесть обсидиановых скульптур: антропоморфные фигурки, рыба и лисица/песец, обнаруженные в бухте Тарья (тарьинская неолитическая культура) [Руденко, 1948, с. 178; Кирьяк, 2000, с. 9].

В дальнейшем коллекция палеоглиптики северо-востока Азии пополнялась в ходе экспедиций Т. М. Диковой (Южная Камчатка), А. К. Пономаренко (Восточная Камчатка), А. И. Лебединцева (Северо-Западное Приохотье), Н. Н. Дикова (Центральная Чукотка) и М. А. Кирьяк (Западная Чукотка). Данные материалы были детально рассмотрены в обобщающей работе по древнему искусству севера Дальнего Востока М. А. Кирьяк (Диковой), где были проанализированы культурно-хронологические, технологические и семантические характеристики каменной скульптуры, а также ее место в мобильном искусстве Северной Евразии [Дикова, 1983, с. 127; Пономаренко, 1989, с. 127; Кирьяк, 2000, с. 12–13].

В последние годы И. Ю. Понкратовой были опубликованы предметы палеоглиптики с памятников Ушки-V и Столбовая-I, а также материалы из частных коллекций, собранных на территории Южной Камчатки [Понкратова, 2022, с. 206, 222]. Представительная серия антропоморфных и зооморфных скульптур из частных коллекций, обнаруженных на побережье Авачинской губы, была введена в научный оборот А. В. Пташинским. Исследователем также предложена версия интерпретации данных изделий как детских игрушек (рис. 1, 2) [Пташинский, 2020, с. 26–30].

На юге Дальнего Востока исследование «фигурных кремней» связано с деятельностью Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова. Первые скульптуры были обнаружены на памятниках Рудная Пристань (Приморье) и Сикачи-Алян (Нижний Амур) в 1955 и 1969 гг. соответственно. Впоследствии коллекция палеоглиптики Приамурья и Приморья пополнялась в результате исследований А. К. Конопацкого (Малая Гавань), И. В. Шевкомуда (Гончарка I, Кольчём-3, Голый Мыс-5), А. В. Гарковик (Устиновка-3, Тюлений), В. И. Дьякова (Рудная Пристань, Устиновка-4 и др.), А. П. Деревянко (Баркасная Сопка), А. А. Крупянку (Суворово-VI), Ю. Е. Вострецова (Бойсмана-1), А. М. Кузнецова (Горбатка 3), М. А. Габрильчука (Князь-Волконское-1), З. С. Лапшиной (Хумми-I), С. В. Алкина (Михайловка-Ключ), Н. А. Клюева, О. В. Яншиной, Н. А. Кононенко (Шекляево-7) (рис. 3) [Okladnikov, 1981, р. 50; Конопацкий, 1996, с. 73–77; Шевкомуд, 2012, с. 116–120; Гарковик, 2014, с. 21–23; Дьяков, 2000, с. 129–131; Габрильчук, 2018, с. 28–30; Бродянский, 2015, с. 15–43; Крупянку, Табарев, 2004, с. 42; Лапшина, 2012, с. 161–167; Алкин, 2001, с. 13; Клюев, Яншина, Кононенко, 2003, с. 15].

Особое внимание изделиям из камня уделяет в своих работах А. В. Табарев, предложивший использовать термин «палеоглиптика» в отношении кремневых фигурок, поскольку данный термин в отличие от других понятий («кремневая фигура», «фигурные камни» и др.) наиболее полно соответствует рассматриваемому типу артефактов: упор в данном случае делается на материал (то или иное каменное сырье, а не только кремль или обсидиан), технологию производства (техника скола и ретушь) и интерпретацию (сюжеты, запечатленные в изделии). Также А. В. Табаревым были пересмотрены коллекции некоторых памятников Приморья и Приамурья (Устиновка-1, Рудная Пристань, Малая Гавань), в которых автором были выделены зооморфные и ихтиоморфные изображения [Табарев, 1992, с. 206–208; 1996а, с. 213–215].

Подробно древнейшим искусством Приморья занимался Д. Л. Бродянский, опубликовавший несколько обобщающих работ, где в том числе представлена серия каменных скульптур. Автор выделил несколько десятков новых предметов из коллекций памятников Бойсмана-2, Лузанова Сопка, Гладкая-4, бухта Аякс

(раскопки А. Н. Попова), Фирсанова Сопка, Боярин-6 (раскопки Д. Л. Бродянского). Наибольшее внимание при анализе изделий Д. Л. Бродянский уделял семантической составляющей и предложил подробные интерпретации предметов (образы животных и божеств), основанные на сравнительном анализе мифологических текстов коренных народов Дальнего Востока [Бродянский, 2015, с. 104–106].

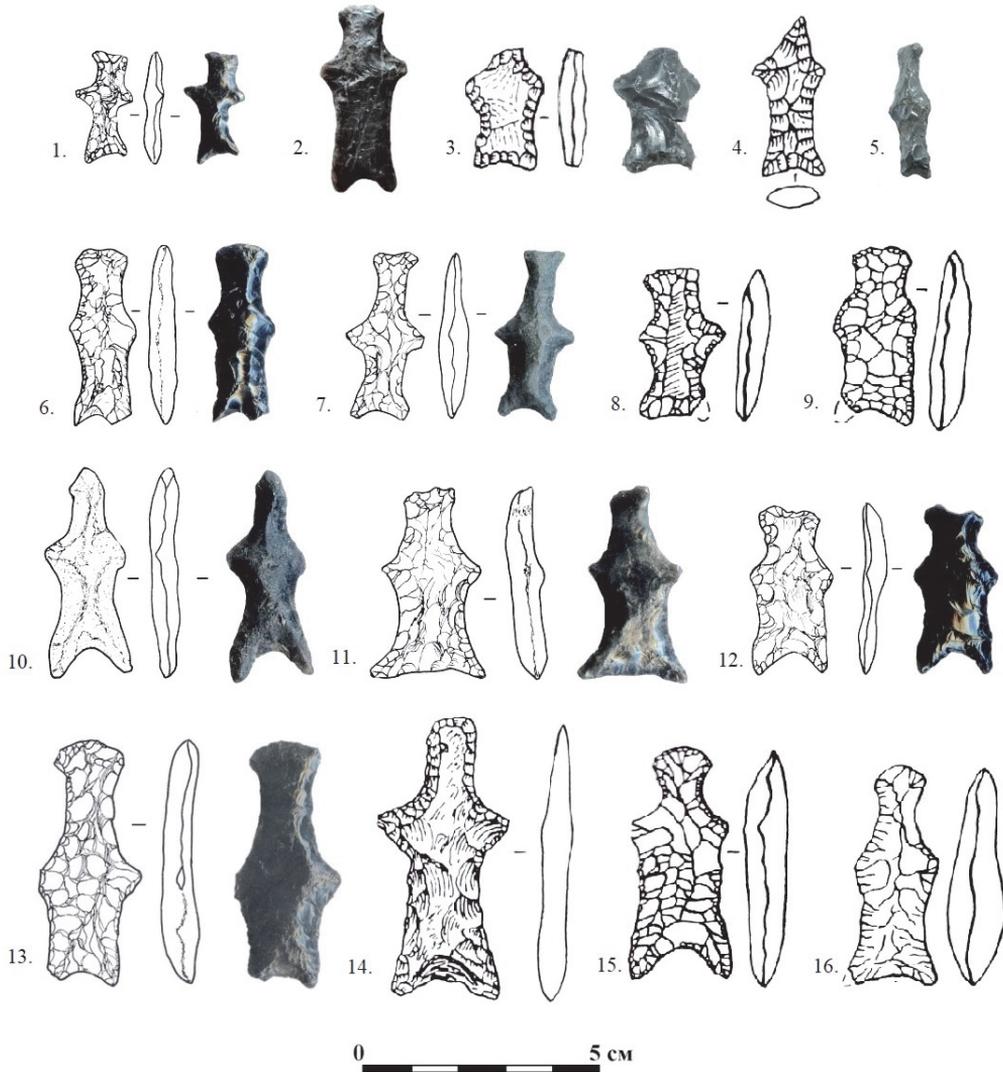

Рис. 1. Антропоморфные изображения, п-ов Камчатка и п-ов Чукотка:

1, 2, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14 – подъемные сборы и случайные находки, частные коллекции [Пташинский, 2020, с. 26; Понкратова, 2022, с. 206; Кирьяк, 2000, с. 55]; 3, 4, 5 – Большой Камень, инв. № 31231-74, 31231-75, ККОМ, г. Петропавловск-Камчатский, фото А. И. Панкиной [Кирьяк, 2000, с. 56]; 8, 9, 15, 16 – Авача [Кирьяк, 2000, с. 56]

Fig. 1. Anthropomorphic images, Kamchatka Peninsula and Chukotka Peninsula:

1, 2, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14 – accidental discoveries and surface finds, private collections [Ptashinsky, 2020, p. 26; Ponkratova, 2022, p. 206; Kiryak, 2000, p. 55]; 3, 4, 5 – Bolshoi Kamen, inventory numbers 31231-74, 31231-75, Kamchatka Regional United Museum, Petropavlovsk-Kamchatsky, photo by A. I. Pankina [Kiryak, 2000, p. 56]; 8, 9, 15, 16 – Avacha [Kiryak, 2000, p. 56]

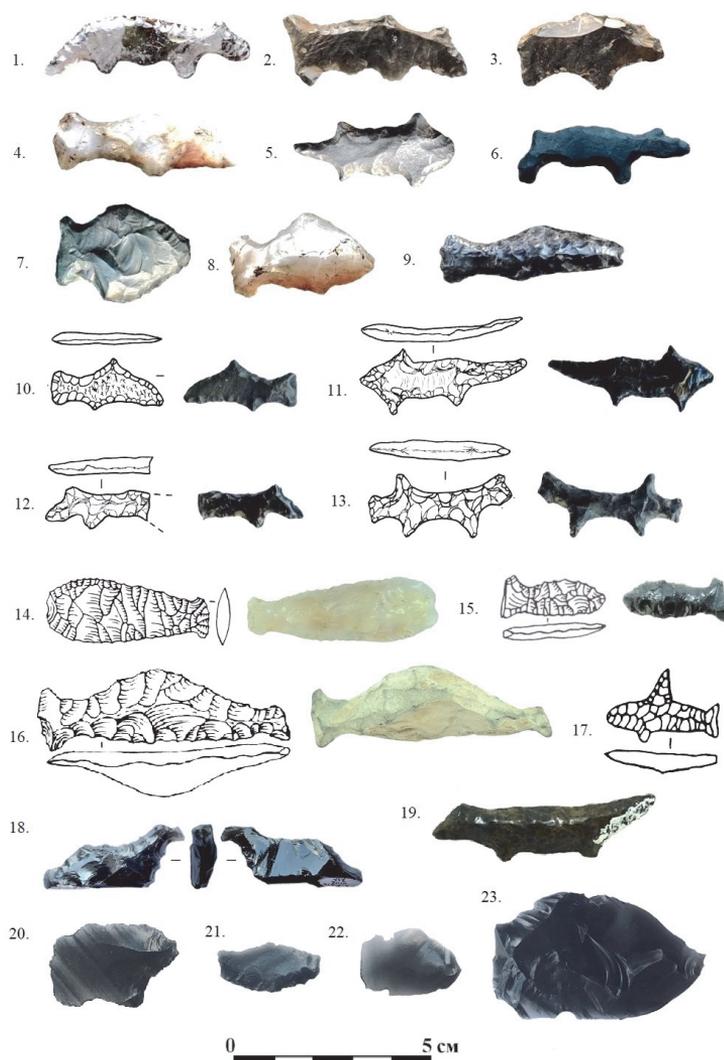

Рис. 2. Зооморфные изображения, п-ов Камчатка и п-ов Чукотка:

1–13 – подъемные сборы и случайные находки, частные коллекции [Пташинский, 2020, с. 30; Понкратова, 2022, с. 206]; 14 – Жупаново, инв. № отсутствует, ККОМ, г. Петропавловск-Камчатский (фото А. И. Панкиной); 15, 16 – Большой Камень, инв. № 31231-76, 31231-77, ККОМ, г. Петропавловск-Камчатский, фото А. И. Панкиной; 17 – Авача [Кирьяк, 2000, с. 56]; 18 – Столбовая-1, инв. № Стлб-1 ж.1, 2010/125, СВГУ, г. Магадан (фото И. Ю. Понкратовой); 19 – случайная находка, инв. № МПК 9639/1, Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, г. Владивосток (фото А. И. Панкиной); 20–23 – Ушки-5, инв. № Ушки-V-2008 п/м, -2008/777, -2008/149, -2008/976, СВГУ, г. Магадан (фото И. Ю. Понкратовой)

Fig. 2. Zoomorphic images, Kamchatka Peninsula and Chukotka Peninsula:

1–13 – accidental discoveries and surface finds, private collections [Ptashinsky, 2020, p. 30; Ponkratova, 2022, p. 206]; 14 – Zhupanovo, inventory number missing, Kamchatka Regional United Museum, Petropavlovsk-Kamchatsky (photo by A. I. Pankina); 15, 16 – Bolshoi Kamen, inventory numbers 31231-76, 31231-77, Kamchatka Regional United Museum, Petropavlovsk-Kamchatsky (photo by A. I. Pankina); 17 – Avacha [Kiryak, 2000, p. 56]; 18 – Stolbovaya-1, inventory number Stlb-1 zh.1.2010/125, North-Eastern State University, Magadan (photo by I. Yu. Ponkratova); 19 – accidental discovery, inventory number IPC 9639/1, Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, (photo by A. I. Pankina); 20–23 – Ushki-5, inventory numbers Ushki-V-2008, -2008/777, -2008/149, -2008/976. North-Eastern State University, Magadan (photo by I. Yu. Ponkratova)

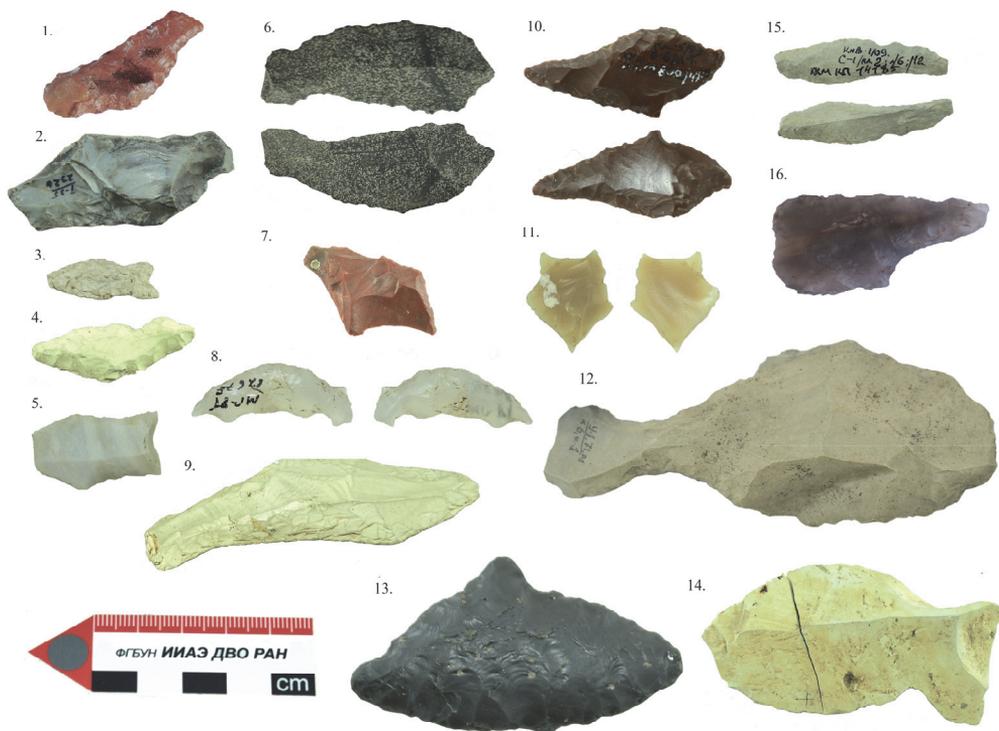

Рис. 3. Зооморфные изображения, Нижний Амур и Приморье:

1 – Сикачи-Алян [Okladnikov, 1981, p. 50]; 2, 4, 7 – Рудная Пристань, инв. № I-55/2320, RP-85/12058, RP-82/4176. ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск; 3 – Бойсмана-1, инв. № Б-I-92/5323, ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток; 5 – Кольчём-3, инв. № ХКМ 92 КП 9912/42, ХКМ, г. Хабаровск; 6 – Боярин-6, инв. № Боярин-6-13/894, Учебно-научный музей ДВФУ, г. Владивосток; 8 – Малая Гавань, инв. № МГ-87/12678. ХКМ, г. Хабаровск; 9 – Гончарка-1, инв. № ХКМ 95 Гон-1 Е-6 100/45, ХКМ, г. Хабаровск; 10 – Голый Мыс-5, инв. № ГМ-5/99, ХКМ, г. Хабаровск; 11 – Шекляево-7, инв. № ДВ-1 Е-11 Пл. 6 № 277, ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток; 12 – Устиновка-3, инв. № У-1, 71, А-1, ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток; 13 – случайная находка, Маячное, частная коллекция; 14 – Устиновка-1, инв. № отсутствует, ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск; 15 – Князь-Волконское-1, инв. № КП 14185/12, ХКМ, г. Хабаровск; 16 – Михайловка-Ключ-5, инв. № отсутствует, ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск (фото А. И. Панкиной)

Fig. 3. Zoomorphic images, Lower Amur and Primorye:

1 – Sikachi-Alyan [Okladnikov, 1981, p. 50]; 2, 4, 7 – Rudnaya Marina, inventory numbers I-55/2320, RP-85/12058, RP-82/4176, IAET SB RAS, Novosibirsk; 3 – Boismana-1, inventory number B-I-92/5323, IIAE FEB RAS, Vladivostok; 5 – Kolchem-3, inventory number KHKM 92 KP 9912/42, Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, Khabarovsk; 6 – Boyarin-6, inventory number Boyarin-6-13/894, Educational and Scientific Museum of FEFU, Vladivostok; 8 – Malaya Gavan, inventory number MG-87/12678, Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, Khabarovsk; 9 – Goncharka-1, inventory number KHKM 95 Gon-1 E-6 100/45, Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, Khabarovsk; 10 – Naked Cape-5, inventory number GM-5/99, Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, Khabarovsk; 11 – Sheklyaevo-7, inventory number DV-1 E-11 Pl. 6 No.277, IIAE FEB RAS, Vladivostok; 12 – Ustinovka-3, inventory numbers U-1, 71, A-1, IIAE FEB RAS, Vladivostok; 13 – accidental discovery, Mayachnoe, private collection; 14 – Ustinovka-1, inventory number missing, IAET SB RAS, Novosibirsk; 15 – Knyaz-Volkonskoe-1, inventory number KP 14185/12, Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, Khabarovsk; 16 – Mikhaylovka-Klyuch-5, inventory number missing, IAET SB RAS, Novosibirsk (photo by A. I. Pankina)

Большой вклад в изучение первобытного искусства бассейна Японского моря, включая палеоглиптику, внес д-р биол. наук В. А. Раков, который среди прочего занимался определениями изображенных морских животных на основе выделения таксономических признаков. Также исследователем была введена в научный оборот и проинтерпретирована скульптура косатки из зеленого обсидиана, обнаруженная в бухте Экспедиции геологом В. Ф. Васильченко (предмет находится в частной коллекции) [Раков, 2012, с. 179–183].

На о. Сахалин и Курильских островах к настоящему моменту известна богатая коллекция каменных зооморфных и антропоморфных скульптур. Первые находки «фигурных кремней» на юге Сахалина были сделаны японским исследователем Кимура Синроку еще в 1930–1940-е гг. в период губернаторства Карафуто. В дальнейшем коллекция пополнялась в результате раскопок стратифицированных памятников и подъемных сборов А. А. Василевского (Огоньки-5, Стародубское-3, о. Сахалин), О. А. Шубиной, О. В. Яншиной, В. О. Шубина, И. А. Самарина (Янкито-2, о. Итуруп; Имчин-12, Северо-Сахалинск-1, Охотское-3, о. Сахалин), В. О. Федорчука (Бердянские озера-4, Адо-Тымово, о. Сахалин), В. А. Грищенко (Кашкалебагш-5, о. Сахалин). Известны и случайные находки предметов палеоглиптики на Сахалине и Курильских островах (Симушир, Шумшу, Кунашир, Итуруп), переданные на хранение в фонды Сахалинского объединенного краеведческого музея (рис. 4) [Василевский, 2008, с. 313, 369; Шубина, Яншина, 2014, с. 44, 46–47; Грищенко, 2015, с. 127].

Таким образом, на данный момент коллекция палеоглиптики рассматриваемого региона, включающего полуострова Чукотка, Камчатка, Северо-Западное Приохотье, Приамурье, Приморье, о. Сахалин и Курильские острова, насчитывает более 200 экземпляров⁸, представленных в культурах от финального палеолита (16–12 тыс. л. н.) до эпохи средневековья (середина 1 тыс. н. э.). Среди сюжетов выделяются антропоморфные и зооморфные изображения, в том числе медведя, представителей семейства псовых (волков/лисиц/песцов) и кошачьих (тигров), копытных животных (лосей), рыб, морских млекопитающих (китообразных и ластоногих), птиц. Имеются также изображения неодушевленных предметов и небесных светил (лунницы, звезды и т. д.).

Если обращаться к территории Северной Пасифики в целом, то следует отметить, что каменные скульптуры, выполненные техникой расщепления камня, встречаются также в археологических и этнографических коллекциях Северной Америки и Японских островов и все еще ждут детального исследования и ввода в научный оборот в отечественном сегменте археологии [Перекрестки континентов ... , 1996, с. 88; Понкратова, 2024, с. 172].

Критерии выделения предметов палеоглиптики

Несмотря на внушительное количество представленных выше научных работ, только некоторые исследователи при публикации предметов палеоглиптики обосновывали свои определения конкретными принципами. Стремление очертить круг признаков кремневой скульптуры как таковой присутствует в работах М. А. Кирьяк, И. В. Шевкомуда, А. В. Табарева, В. И. Дьякова и О. А. Шубиной. Нами также учтены замечания, предложенные в работах И. В. Шмидт и Б. Ю. Серикова по изучению палеоглиптики Восточной Европы и Урала [Шмидт, Крафт, 2017, с. 150; Сериков, 2014, с. 37–38; Черных, 1996, с. 279].

⁸ Точный подсчет предметов на данном этапе исследования невозможен в силу недоступности и спорной интерпретации некоторых материалов, а также слабой изученности коллекций региональных музеев Сахалина, Камчатки, Хабаровского края и др.

Рис. 4. Зооморфные изображения, Сахалин и Курильские острова:

1 – Минами Ширануси, инв. № КП-741-70, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 2, 3 – Касатка-1, о. Итуруп, инв. № КП-8126/15, КП-8126/14, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 4 – Охотское, инв. № КП-7186/46, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 5 – Огоньки-5, экспозиция: витрина первобытного искусства, СахГУ, г. Южно-Сахалинск; 6 – Отрада, о. Кунашир, инв. № КП-7304-6, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 7 – Большое Озеро, о. Шумшу, инв. № КП-5717-10, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 8, 9, 12 – Янкито-2, о. Итуруп, инв. № КП-8711-378, -453, -351, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 10, 14 – Кашкалбагш-5, инв. № КП-881-4388, -4699, СахГУ, г. Южно-Сахалинск; 11 – случайная находка, о. Сахалин, инв. № 115-431, СОКМ, г. Южно-Сахалинск; 13 – Куйбышевка-1, о. Итуруп, инв. № КП-115-431, СОКМ, г. Южно-Сахалинск (фото А. И. Панкиной)

Fig. 4. Zoomorphic images, Sakhalin and the Kuril Islands:

1 – Minami Shiranushi, inventory number KP-741-70, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 2, 3 – Kasatka-1, Iturup Island, inventory numbers KP-8126/15, KP-8126/14, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 4 – Okhotsk, inventory number KP-7186/46, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 5 – Ogonki-5, exposition: a showcase of primitive art, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk; 6 – Otrada, Kunashir Island, inventory number KP-7304-6, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 7 – Bolshoe Ozero, Shumshu Island, inventory number KP-5717-10, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 8, 9, 12 – Yankito-2, Iturup Island, inventory numbers KP-8711-378, -453, -351, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 10, 14 – Kashkalbagsh-5, inventory numbers KP-881-4388, -4699, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk; 11 – accidental discovery, Sakhalin, inventory number 115-431, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk; 13 – Kuibyshevka-1, Iturup Island, inventory number KP-115-431, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk (photo by A. I. Pankina)

Если обобщить все предложения, то список критериев будет выглядеть следующим образом:

1. Морфологическая нетипичность артефакта. Особая морфология предмета является одним из основных и наиболее распространенных признаков для «кремневой скульптуры». Именно с определения технико-типологических характеристик предмета начинается выделение артефактов, не согласующихся с типологическим комплексом памятника. Однако именно этот критерий вызывает наибольшую критику, так как, во-первых, сама нетипичность артефакта еще не говорит в пользу конкретного образа, а во-вторых, она не всегда очевидна читателю, поскольку у него отсутствует опыт работы с полным комплексом памятника, а соответствующие материалы публикуются нередко в разных разделах, статьях или монографиях. Данный критерий можно считать правомерным для всей представленной выше коллекции палеоглиптики северо-западной части Тихого океана, и особую его значимость подчеркивали В. И. Дьяков и И. В. Шевкомуд [Дьяков, 1985, с. 263–264; Шевкомуд, 2012, с. 117]. М. А. Кирьяк в упомянутой монографии [2000, с. 14–23] выделила для характеристики археологического контекста предметов искусства специальную главу. Имеется также ряд обобщающих публикаций по конкретным памятникам (Кашкалебагш-5, Бойсмана-1), где представленные среди типичных орудий «фигурные камни» заметно выделяются среди общего комплекса (рис. 3, 3; 4, 10, 14) [Грищенко, 2015, с. 127; Первые рыболовы ... , 1998, с. 209].

2. Художественные приемы (обработка ретушью, сверление и пр.). Технология изготовления «фигурных кремней» сама по себе не позволяет применять широкий спектр художественных средств выразительности. Тем не менее некоторые приемы все же можно выделить, например использование краевой ретуши для оформления важных деталей образа. Наличие такого средства выражения для коллекции артефактов с Рудной Пристани отмечал В. И. Дьяков [1985, с. 263]. О. А. Шубина и О. В. Яншина, анализируя серию из 13 зооморфных скульптур с памятника Янкито-2, выделяют только два предмета, интерпретация которых не вызывает сомнений, поскольку образы (изображение рыбы и наземного животного) намеренно детализированы мелкой краевой ретушью, в то время как остальные изделия, несмотря на морфологическое сходство с животными, представляют собой сколы с минимальной обработкой (рис. 4, 8, 9) [Шубина, Яншина, 2014, с. 44].

3. Планиграфический контекст артефакта. Анализ расположения артефактов на памятнике является одной из необходимых процедур любого археологического исследования, однако в случае с палеоглиптикой контекст находки может сыграть принципиально важную роль при идентификации предмета. Для манупортов (необработанных камней, имеющих фигурную, узнаваемую форму) расположение в «особом» пространстве дает основания относить их к сфере духовного производства. Например, морская галька с памятника Бойсмана-1 (Приморье, средний неолит), напоминающая по форме рыбу с раздвоенным хвостом, была обнаружена в комплексе с другими артефактами (нож на отщепе, скобель на отщепе, грузило на гальке и терочная плита) в яме № 4, предположительно использовавшейся для долговременного хранения рыбы (рис. 5) [Первые рыболовы ... , 1998, с. 199]. Другой подобный предмет – плоская галька (камбала?) – был обнаружен на полу жилища № 22 памятника Майхэ I (Приморье, поздний неолит) в одном квадрате с глиняной фигуркой рыбы (лосося?), не вызывающей вопросов в интерпретации [Бродянский, 2015, с. 39].

Рис. 5. Морская галька – изображение рыбы (?), яма № 4, Бойсмана-1 (фото Ю. Е. Вострецова)

Fig. 5. Sea pebbles – the image of a fish (?), pit number 4, Boismana-1 (photo by Yu. E. Vostretsov)

4. Неясность функционального назначения и отсутствие следов сработанности, характерных при определенном утилитарном использовании. Для исследования палеоглиптики, процесс изготовления которой аналогичен производству бытовых орудий, необходимы определение функционального назначения и анализ возможных следов использования на поверхности изделия. Выше мы уже оговорили некоторые условности, связанные с критерием утилитарного использования предметов искусства. В связи с чем, подчеркивая важность данного критерия, мы хотели бы обратить внимание на два аспекта. Во-первых, стоит отметить, что отсутствие следов сработанности характерно также и для случайных сколов – отходов процесса расщепления камня, поэтому данный критерий необходимо учитывать в совокупности с остальными признаками. Во-вторых, нельзя исключать возможности многофункционального назначения одного и того же предмета, который может сочетать в себе как орудийную функцию (нож, наконечник и т. д.), так и символическую. Например, в коллекции палеоглиптики рассматриваемого региона можно выделить несколько изделий, первоначальное

функциональное назначение которых вполне установлено – это наконечники стрел (Бойсмана-1, Приморье и мыс Островной, о. Сахалин) и боковой скребок на пластинчатом отщепе (Кашкалебагш-5, о. Сахалин) (рис. 3, 3; рис. 4, 14). Тем не менее эти изделия выделяются среди типологического комплекса памятника, имеют экстерьерные признаки животных (морское млекопитающее и рыбы), а также в случае с фигуркой рыбы с Бойсмана-1 у изделия имеются следы реутилизации предмета, в том числе модификации готового изделия в ихтиоморфную скульптуру [Первые рыболовы ... , 1998, с. 209; Грищенко, 2015, с. 127].

5. Особенности сырья. Расщепление камня и дальнейшая его обработка при помощи ретуши требуют определенных качеств сырья, от которого напрямую зависит весь дальнейший процесс изготовления изделия. Поэтому при выборе изначальной заготовки уделялось большое внимание качеству и характерным особенностям той или иной горной породы, ее доступности в данной местности. Для предметов искусства большое значение также могли иметь цвет и фактура камня. Коллекция палеоглиптики северо-западной части Тихого океана демонстрирует две тенденции. С одной стороны, мы можем наблюдать традицию изготовления скульптур из характерного для данной культуры и местности материала. В качестве примера можно привести серию зооморфных скульптур из кремневого туфа с устиновских памятников (Приморье, р. Зеркальная) или обсидиановые изделия на Камчатке и Курильских островах (Большой Камень, Янкито-2) [Пономаренко, 1989; Шубина, Яншина, 2014]. С другой стороны, имеется ряд изделий, выполненных на редком и необычном по цвету и фактуре сырье. В частности, отдельное исследование было посвящено А. В. Табаревым халцедоновой скульптуре тигра прозрачно-белого цвета (Малая Гавань, Приамурье) (рис. 3, 8). Автором рассмотрены многочисленные примеры образа Белого Тигра в мифологии, религии, фольклоре и искусстве коренных народов Дальнего Востока, а также в крупных культурных традициях соседних территорий (Древний Китай, Вьетнам, Корея и др.) и сделан вывод о неслучайном характере данного изделия [Табарев, 1996б, с. 55–61]. Не менее интересным предметом является и скульптура в виде головы лисицы (Шекляево-7, Приморье), выполненная на отщепе желто-оранжевой яшмы (рис. 3, 11) [Клюев, Яншина, Кононенко, 2003, с. 14].

6. Совпадение пропорций с прототипом: биологическая классификация. Выше мы уже обговорили важность такого критерия, как морфология изображения (в том числе пропорции и детали туловища), обеспечивающая узнаваемость образа. Наибольшую сложность при определении изображений представляют зооморфные образы, поскольку не каждый исследователь имел опыт взаимодействия с теми или иными животными. Например, ихтиоморфные изображения из коллекций Приморья и Приамурья часто интерпретируются как изображения лососей, поскольку именно этот вид рыб нередко стереотипно считается наиболее массовым и значимым в жизни неолитического населения региона [Табарев, 2007, с. 79–80]. Однако применение метода биологической классификации, основанного на разработанной в ихтиологии системе критериев видового определения рыб, позволило идентифицировать имеющиеся изображения разнообразным спектром: были выделены представители лососеобразных, сиговых, сельдеобразных, карповых, осетрообразных и окунеобразных. Данные определения подтверждаются наличием остатков представителей соответствующих отрядов и семейств в фаунистических комплексах раковинных куч эпохи неолита Приморья (рис. 3, 6, 9, 12, 14, 15) [Беседнов, Вострецов, 2015, с. 64–66].

7. Широкий культурный и географический контекст артефактов. Культурная среда и окружающая природная обстановка во многом определяют и технологические особенности (традиции обработки камня, доступное сырье), и сюжетный состав (обитаемая фауна, объекты охоты) предметов искусства. В случае с коллекциями северо-западной части Тихого океана важно учитывать приморскую специфику: даже небольшие изменения климата существенно влияли на жителей побережий, поскольку сопровождались колебаниями уровня моря, что, в свою очередь, влияло на адаптацию местного населения к изменяющимся условиям и находило отражение в объектах искусства. Например, для палеоглиптики Приморья можно отметить динамику сюжетов зооморфных изображений, коррелирующих с колебаниями климата и уровня моря, определяющих доступность тех или иных видов рыб и животных для добычи: появление изображений рыб на рубеже плейстоцена и голоцена (устиновская культура) и изображений морских млекопитающих (ластоногих) в начале атлантической стадии голоцена (7,5–6,5 тыс. л. н., руднинская культура) (рис. 3, 4) [Панкина, Гарковик, 2003, с. 40].

Выводы

Обзор публикаций, посвященных объяснению термина «первобытное искусство», показывает, что понимание этого феномена достаточно расплывчато, а круг источников строго не определен. Главным критерием отнесения к искусству того или иного артефакта считается наличие «художественного дополнения», которое может определяться каждым исследователем по-своему. Относительно изучения палеоглиптики такая ситуация вызывает трудности в восприятии данной категории предметов как искусства, поскольку «художественной» здесь может быть только форма изделия, которая не всегда понятна исследователю.

Трудности в понимании феномена «древнейшего искусства» и определении его границ связаны с тем, что археологи могут работать только с материальными остатками, в силу чего необходимо обращение к междисциплинарному подходу. Предложенная в данной работе граница изобразительного искусства основана на теоретических положениях практической иконоки и подразумевает у образцов древнейшего творчества наличие иконографического подобраза, который может быть воспринят зрителем (в том числе исследователем). Таким образом, важнейшими признаками будут морфология предмета (то, что изображено) и культурный и экологический контекст исследуемого артефакта.

На основе данных положений, а также с учетом рассмотренных подходов, предложенных исследователями Дальнего Востока, Урала, Восточной Европы и Сибири, разработаны и обсуждены на примерах коллекции северо-западной части Тихого океана (северо-западной Пасифики) основные критерии для анализа палеоглиптики, в числе которых морфологическая нетипичность артефакта, художественные приемы, планиграфический контекст артефакта, неясность функционального назначения и отсутствие следов утилитарного использования, особенности сырья, совпадение пропорций с прототипом и широкий культурно-географический контекст.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 23-28-00140 «Человек в архаичном искусстве Северной Евразии: смена парадигмы» (<https://rscf.ru/project/23-28-00140/>).

Автор выражает большую признательность за предоставленную возможность поработать с коллекциями А. В. Табареву (ИАЭТ СО РАН), Б. В. Лазину (ДФУ), И. В. Колзунову (ИИАЭ ДВО РАН), О. А. Шубиной (СОКМ), С. В. Алкину (ИАЭТ СО РАН), Н. А. Дорофеевой (ИИАЭ ДВО РАН), В. А. Грищенко (СахГУ), С. В. Графской (ККОМ), А. Б. Шиповаловой (ХКМ им. Н. И. Гродекова), Е. Ю. Саяпиной (Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева).

Список литературы

- Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб. : Европ. Дом, 2005. 352 с.
- Алкин С. В. Предварительные результаты изучения памятника Михайловка-ключ в среднем Приморье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2001. Т. 7. С. 11–14.
- Беседнов Л. Н., Вострецов Ю. Е. Морской промысел рыб и млекопитающих в раннем и среднем голоцене в бассейне Японского моря // Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства : сб. науч. ст. Владивосток, 2015. С. 60–74.
- Бродянский Д. Л. Искусство, духовная культура древних приморцев. Владивосток : ДВФУ, 2015. 350 с. (Тихоокеанская археология ; вып. 31).
- Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.
- Вишняцкий Л. Б. На подступах к искусству (палеолит) // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 4–19.
- Волков П. В. Человек за камнем. Археология в последнее время. СПб. : Платонов. филос. о-во, 2020. 280 с.
- Габрильчук М. А. Предметы неутилитарного назначения археологических памятников Князь-Волконское-1 и Петропавловка (Поселение-5, Грунтовый Могильник-1). Обобщения 2017 г. // Девятые Гродековские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны в России. Хабаровск : Гродеков. музей им. Н. И. Гродекова, 2018. Т. 3. С. 28–29.
- Гарковик А. В. Изобразительная деятельность древнего населения Приморья // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 19–25.
- Грищенко В. А. Кашкалебагская культура финального неолита острова Сахалин (к вопросу о существовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н. э. в островном мире Дальнего Востока) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2015. № 11-12. С. 117–131.
- Грязнов М. П., Столяр А. Д., Рогачев А. Н. Письмо в редакцию // Советская археология. 1981. № 4. С. 289–295.
- Дикова Т. М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М. : Наука, 1983. 231 с.
- Дьяков В. И. Ритуально-обрядовые изображения в археологических ансамблях Приморья // Рериховские чтения. 1984 год к 100-летию Н. К. Рериха и 80-летию С. Н. Рериха : материалы конф. Новосибирск, 1985. С. 262–267.
- Дьяков В. И. Приморье в раннем голоцене (Мезолитическое поселение Устиновка IV). Владивосток : Дальнаука, 2000. 228 с.
- Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 85–124.
- Каган М. С. Морфология искусства. Л. : Искусство, 1972. 440 с.
- Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. 288 с.
- Клюев Н. А., Яншина О. В., Кононенко Н. А. Поселение Шекляево-7 – новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 5–15.
- Конапацкий А. К. Неолитическое искусство Нижнего Амура в свете новых находок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 73–79.
- Крупяно А. А., Табарев А. В. Древности Сихотэ-Алиня. Археология Кавалеровского района. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2004. 76 с.
- Лапшина З. С. Скульптуры рыб в коллекции предметов искусства из археологических памятников Комсомольского района Хабаровского края // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1 (161). С. 161–167.
- Ларичев В. Е. Человек и мироздание: Древние маги и чудеса подземелий. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. 173 с.
- Латинско-русский словарь. URL: <https://translate.academic.ru/artifex/la/ru/> (дата обращения: 12.05.2024).
- Лбова Л. В., Волков П. В. Древнейшее искусство Сибири (технологии, формы, символы) // Формы знакового поведения в палеолите. СПб : Политех-пресс, 2021. 149 с. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i21-214>
- Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Высш. шк., 1989. 223 с.
- Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967. 136 с.
- Панкина А. И., Гарковик А. В. Зооморфная пластика каменного века Приморья // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 39. С. 31–49.
- Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток : Дальневост. отд-ние АН РАН, 1998. 390 с.
- Перекрестки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Каталог выставки. М. ; Вашингтон, 1996. 113 с.

- Понкратова И. Ю. Каменный век полуострова Камчатка : дис. ... д-ра ист. наук. Магадан, 2022. Т. 1. 252 с., Т. 2. 50 с.
- Понкратова И. Ю. Искусство каменного века Камчатки: образы и смыслы // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития : (Посвящается 300-летию Российской академии наук) : 7-й Междунар. археол. симп. Владивосток, 6–9 мая 2024 г. : сб. материалов / отв. ред. А. Н. Попов. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2024. С. 170–173.
- Пономаренко А. К. Стоянка Большой Камень – памятник развитого неолита Южной Камчатки // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1989. С. 119–154.
- Пашинский А. В. Новые антропо- и зооморфные фигурки юго-восточного побережья Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (36). С. 21–36.
- Раков В. А. Неолитическая фигурка косатки из залива Посыета // Юбилей лидера (70-летнему юбилею академика А. П. Деревяшко посвящается). Владивосток : Издат. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. С. 179–184.
- Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.
- Руссо А. Глоссарий первобытного искусства. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. 80 с.
- Севостьянов Д. А. Практическая иконика (Наука об изображениях, сделанных рукой человека). Новосибирск, 1995. 184 с.
- Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил : Нижнетаг. гос. соц.-пед. акад., 2014. 268 с.
- Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М. : Искусство, 1985. 300 с.
- Табарев А. В. Кремневая пластика и проблема декоративного освоения пород и минералов в каменном веке // VI Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992. С. 206–208.
- Табарев А. В. Декоративные элементы в раннеголоценовых индустриях Дальнего Востока: проблема интерпретации // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки : материалы Междунар. конф. Владивосток, 1996а. С. 213–218.
- Табарев А. В. По следу халцедонового тигра. Археологический этюд // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1996б. С. 51–72.
- Табарев А. В. Каменные фигурки рыб по материалам финальнопалеолитических памятников Дальнего Востока: версии и интерпретации // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 79–81.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.
- Уваров А. С. Археология России. Каменный период. М., 1981. Т. 2. 268 с.
- Черных И. Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 271–291.
- Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гирия, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. СПб : Петерб. Востоковедение, 2007. 264 с.
- Шевкомуд И. Я. Икноморфные ретушированные изображения охотничьей культуры начального неолита Приамурья // Дальневосточно-сибирские древности : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения В. Е. Медведова. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 116–121.
- Шер Я. А. Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // Археология, этнография и антропология Евразии. Специальный номер. Проблемы изучения первобытного искусства. Материалы дискуссии. Новосибирск, 2009. С. 4–14.
- Шмидт И. В., Крафт И. Зооморфные изображения Гройча в контексте палеоискусствоведческой проблематики // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 136–158.
- Шубина О. А. Яншина О. В. Предварительные итоги археологического исследования поселения Янкито-2 на о. Итурупе в 2013 году // Вестник Сахалинского музея. 2014. № 1 (21). С. 3–47.
- Okladnikov A. P. Ancient art of the Amur region: Rock drawings, sculpture, pottery. Leningrad : Aurora, 1981. 158 p.
- Marquet J. C., Lorblancher M. A Neanderthal face? The proto-figurine from La Roche-Cotard, Langeais (Indre-et-Loire, France) // Antiquity. 2003. Vol. 77, N 298. P. 661–670.

References

- Abramova Z. A. *Zhivotnoe i chelovek v paleoliticheskom iskusstve Evropy [Animal and man in the Paleolithic Art of Europe]*. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2005, 352 p. (In Russ.)
- Alkin S. V. *Predvaritelnye rezultaty izucheniya pamyatnika Mikhailovka-klyuch v srednem Priamurii [Preliminary results of the study of the Mikhailovka-Klyuch site in the Middle Amur region]*. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and neighboring territories]*. 2001, Vol. VII, pp. 11–14. (In Russ.)
- Besednov L. N., Vostretsov Yu. E. *Morskoi promysel ryb i mlekopitayushchikh v rannem i srednem goltsene v basseine Yaponskogo morya [Marine fisheries of fish and mammals in the Early and Middle Holocene in the basin of the Sea of Japan]*. *Lev Nikolaevich Besednov – issledovatel drevnego rybolovstva: sbornik nauchnykh statei [Lev Nikolaevich Besednov – researcher of ancient fisheries: collection*

- of scientific works. articles*]. Vladivostok, IIAE FEB RAS Publ., 2015, pp. 60–74. (In Russ.)
- Brodyanskii D. L. *Iskusstvo, dukhovnaya kultura drevnikh primortsev [Art, spiritual culture of the ancient Primorye people]*. Vladivostok, FEPU Publ., 2015, Vol. 31, 350 p. (In Russ.)
- Chernykh I. N. Melkaya kremnevaya plastika so stoyanki "Sinyaya gora 1" (Botovo 1) na oz. Seliger [Small flint plastic from the parking lot "Blue Mountain 1" (Botovo 1) on Lake Seliger]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver Archaeological Collection]*. Tver, 1996, Vol. 2, pp. 271–291. (In Russ.)
- Crossroads Alaska: Native Cultures of Alaska and Siberia*. Arctic Studies Center, Smithsonian Institution. Washington, D. C., 1995, 113 p. (In Russ.)
- Derevyanko A. P., Krivoschapkin A. K., Larichev V. E., Petrin V. T. *Paleolit vostochnykh predgorii Arts-Bogdo (Yuzhnaya Gobi) [Paleolithic of the eastern foothills of Arts-Bogdo (South Gobi)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2001, 152 p. (In Russ.)
- Dikova T. M. *Arkheologiya Yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov [Archaeology of Southern Kamchatka in connection with the problem of Ainu settlement]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 231 p. (In Russ.)
- Diyakov V. I. Ritualno-obryadovye izobrazheniya v arkhеologicheskikh ansamblyakh Primoriya [Ritual and ceremonial images in the archaeological ensembles of Primorye]. *Rerikhovskie chteniya. 1984 god k 100-letiyu N. K. Rerikha i 80-letiyu S. N. Rerikha: materialy konferentsii [The Roerich readings. In 1984, on the occasion of the 100th anniversary of N. K. Roerich and the 80th anniversary of S. N. Roerich: materials of the conference.]*. Novosibirsk, 1985, pp. 262–267. (In Russ.)
- Diyakov V. I. *Primorie v rannem golotsene (Mezoliticheskoe poselenie Ustinovka IV) [Primorye in the Early Holocene (Mesolithic settlement Ustinovka IV)]*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2000, 228 p. (In Russ.)
- Gabrilchuk M. A. Predmety neutilitarnogo naznacheniya arkhеologicheskikh pamyatnikov Knyaz-Volkonskoe-1 i Petropavlovka (Poselenie-5, Gruntovyi Mogilnik-1). Obobshcheniya 2017 g. [Objects of non-utilitarian purpose of the archaeological sites Knyaz-Volkonskoe-1 and Petropavlovka (Poselenie-5, Gruntovyi Mogilnik-1). Generalizations of 2017]. *Devyatye Grodekovskie chteniya. Materialy mezhrеgionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Grazhdanskoi voyny v Rossii [The ninth Grodek readings. Materials of the interregional scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the outbreak of the Civil War in Russia.]*. Khabarovsk, Grodekovskii muzei im. N. I. Grodekova Publ., 2018, Vol. 3, pp. 28–29. (In Russ.)
- Garkovik A. V. Izobrazitel'naya deyatel'nost' drevnego naseleniya Primoriya [The pictorial activity of the ancient population of Primorye]. *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation: materials of the All-Russian (with international participation) Scientific Conference]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 19–25. (In Russ.)
- Grishchenko V. A. Kashkalebagshskaya kultura finalnogo neolita ostrova Sakhalin (k voprosu o sosushchestvovanii traditsii epokh kamnya i paleometalla v I tys. do n. e. v ostrovnom mire Dalnego Vostoka) [The Kashkalebagsh culture of the Final Neolithic of Sakhalin Island (on the question of the coexistence of traditions of the Stone and Paleometallic epochs in the I thousand in the island world of the Far East)]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Sakhalin State University]*. 2015, Vol. 11–12, pp. 117–131. (In Russ.)
- Gryaznov M. P., Stolyar A. D., Rogachev A. N. Pismo v redaktsiyu [The letter to the editor]. *Sovetskaya arkhеologiya [Soviet Archaeology]*. 1981, Vol. 4, pp. 289–295. (In Russ.)
- Kagan M. S. *Morfologiya iskusstva [Morphology of art]*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1972, 440 p. (In Russ.)
- Kiriyaq (Dikova) M. A. *Drevnee iskusstvo Severa Dalnego Vostoka kak istoricheskii istochnik (kamennyi vek) [Ancient Art of the North of the Far East as a Historical Source (Stone Age)]*. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ., 2000, 288 p. (In Russ.)
- Klyuev N. A., Yanshina O. V., Kononenko N. A. Poselenie Sheklyaevo-7 – novyi neoliticheskii pamyatnik v Primorie [The settlement of Sheklyaevo-7 is a new Neolithic site in Primorye]. *Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]*. 2003, Vol. 4 (42), pp. 5–15. (In Russ.)
- Konopatskii A. K. Neoliticheskoe iskusstvo Nizhnego Amura v svete novykh nakhodok [Neolithic art of the Lower Amur in the light of new finds]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 1996, Vol. 3, pp. 73–79. (In Russ.)
- Krupyanko A. A., Tabarev A. V. *Drevnosti Sikhote-Alinya. Arkheologiya Kavalerovskogo raiona [The antiquities of Sikhote-Alin. Archaeology of the Kavalerovsky district]*. Vladivostok, FEPU Publ., 2004, 76 p. (In Russ.)
- Lapshina Z. S. Skulptury ryb v kollektcii predmetov iskusstva iz arkhеologicheskikh pamyatnikov Komsomolskogo raiona Khabarovskogo kraja [Fish sculptures in the collection of art objects from the archaeological sites of the Komsomolsk district of the Khabarovsk Territory]. *Vestnik DVO RAN [Bulletin of the FEB RAS]*. 2012, Vol. 1 (161), pp. 161–167. (In Russ.)
- Larichev V. E. *Chelovek i mirozhdanie: Drevnie magi i chudesa podzemelii [Man and the Universe: Ancient Magicians and the wonders of the dungeons]*. Novosibirsk, SB RAS, filial "Geo" Publ., 2002, 173 p. (In Russ.)
- Latinsko-russkii slovar [Latin-Russian dictionary]*. Available at: <https://translate.academic.ru/artifex/la/ru/> (date of access: 12.05.24). (In Russ.)
- Lbova L. V., Volkov P. V. *Drevneishie iskusstvo Sibiri (tekhnologii, formy, simvoly) [The most ancient art of Siberia (technologies, forms, symbols)]*. St. Petersburg, Politekh-press Publ., 2021, 149 p. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i21-214> (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world.]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p. (In Russ.)

- Marquet J. C., Lorblancher M. A Neanderthal face? The proto-figurine from La Roche-Cotard, Langeais (Indre-et-Loire, France). *Antiquity*. 2003, Vol. 77, No. 298, pp. 661–670.
- Martynov A. I., Sher Ya. A. *Metody arkheologicheskogo issledovaniya: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Methods of archaeological research: Textbook for university students]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 223 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Utro iskusstva [Morning of Art]*. Leningrad, 1967, 136 p. (In Russ.)
- Okladnikov A.P. *Ancient art of the Amur region: Rock drawings, sculpture, pottery*. Leningrad, Aurora, 1981, 158 p.
- Pankina A. I., Garkovik A. V. Zoomorfnaya plastika kamennogo veka Primoriya [Zoomorphic plastic of the Stone Age of Primorye]. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]*. 2023, Vol. 39, pp. 31–49. (In Russ.)
- Pervye rybolovy v zalive Petra Velikogo. *Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boisman [The first fishermen in Peter the Great Bay. Nature and ancient man in Boisman Bay]*. Vladivostok, FEB RAS Publ., 1998, 390 p. (In Russ.)
- Ponkratova I. Yu. *Kamennyi vek poluostrova Kamchatka: diss. ... d-ra ist. nauk [The Stone Age of the Kamchatka Peninsula. Doc. histor. sci. syn. diss.]*. Magadan, 2022, Vol. 1, 252 p. Vol. 2, 50 p. (In Russ.)
- Ponkratova I. Yu. Iskusstvo kamennogo veka Kamchatki: obrazy i smysly [Kamchatka Stone Age Art: Images and Meanings]. *Tikhookeanskaya arkheologiya: Tikhookeanskii issledovaniya v rossiiskoi i zarubezhnoi arkheologii: istoriya, sovremennost, perspektivy razvitiya (Posvyashchaetsya 125-letiyu DVFU i 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk) [Pacific Archaeology. Pacific studies in Russian and foreign archaeology: history, current stage and development prospects (Dedicated to the 125th anniversary of the FEFU and the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)]*. Vladivostok, FEFU Publ., 2024, pp. 170–173. (In Russ.)
- Ponomarenko A. K. Stoyanka Bolshoi Kamen – pamyatnik razvitoego neolita Yuzhnoi Kamchatki [The Bolshoi Kamen site is a site of the developed Neolithic of Southern Kamchatka]. *Kraevedcheskie zapiski [Local history notes]*. Petropavlovsk-Kamchatskii, Far East book Publ., 1989, pp. 119–154. (In Russ.)
- Ptashinskii A. V. Novye antropo- i zoomorfnye figurki yugo-vostochnogo poberezh'ya Kamchatki [New anthropo- and zoomorphic figurines of the southeastern coast of Kamchatka]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki [Herald of KRAUNTS. Humanities]*. 2020, Vol. 2 (36), pp. 21–36. (In Russ.)
- Rakov V. A. Neoliticheskaya figurka kosatki iz zaliva Posieta [Neolithic figurine of a killer whale from the Gulf of Posyeta]. *Yubilee lidera (70 letnemu yubileyu akademika A. P. Derevyanko posvyashchaetsya) [Anniversary of the leader (dedicated to the 70th anniversary of Academician A. P. Derevyanko)]*. Vladivostok, FESU Publ., 2012, pp. 179–184. (In Russ.)
- Roussot A. *Glossarii pervobytnogo iskusstva [Petit Glossaire de l'art prehistorique au Paleolithique]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2003, 80 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. Kultura doistoricheskogo naseleniya Kamchatki [Culture of the prehistoric population of Kamchatka]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1948, Vol. 1, pp. 153–179. (In Russ.)
- Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urals [Essays on the primitive art of the Urals]*. Nizhnii Tagil, NSSPA Publ., 2014, 268 p. (In Russ.)
- Sevostyanov D. A. *Prakticheskaya ikonika (Nauka ob izobrazheniyakh, sdelannykh rukoi cheloveka) [Practical Iconics (The science of images made by human hand)]*. Novosibirsk, 1995, 184 p. (In Russ.)
- Sher Ya. A. Pervobytnoe iskusstvo: fakty, gipotezy, metody i teoriya [Primitive Art: facts, hypotheses, methods and theory]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Spetsialnyi nomer. Problemy izucheniya pervobytnogo iskusstva. Materialy diskussii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. The science of images made by studying primitive art. Discussion materials]*. 2009, pp. 4–14. (In Russ.)
- Shevkomud I. Ya. Ikhtiomorfnye retushirovannye izobrazheniya osipovskoi kultury nachalnogo neolita Primuriya [Ichthyomorphic retouched images of the Osipov culture of the early Neolithic of the Amur region]. *Dalnevostochno-sibirskie drevnosti: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 70-letiyu so dnya rozhdeniya V. E. Medvedeva [Far East-Siberian antiquities: a collection of scientific papers dedicated to the 70th anniversary of the birth of V. E. Medvedev.]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, pp. 116–121. (In Russ.)
- Shmidt I. V., Kraft I. Zoomorfnye izobrazheniya Groicha v kontekste paleoiskusstvovedcheskoi problematiki [Zoomorphic images of Groich in the context of Paleo-art criticism]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2017, Vol. 21, pp. 136–158. (In Russ.)
- Shubina O. A., Yanshina O. V. Predvaritelnye itogi arkheologicheskogo issledovaniya poseleniya Yankito-2 na o. Iturape v 2013 godu [Preliminary results of the archaeological study of the settlement of Yankito-2 on the island Iturape in 2013]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya [Bulletin of the Sakhalin Museum]*. 2014, Vol. 1 (21), pp. 3–47. (In Russ.)
- Stolyar A. D. *Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The origin of fine art]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 300 p. (In Russ.)
- Tabarev A. V. Kremnevaya plastika i problema dekorativnogo osvoeniya porod i mineralov v kamennom veke [Flint plastic and the problem of decorative development of rocks and minerals in the Stone Age]. *VI Arsenevskie chteniya. Tezisy dokladov regionalnoi nauchnoi konferentsii po problemam istorii, arkheologii i kraevedeniya [VI Arseniev readings. Abstracts of the regional scientific conference on the problems of History, Archaeology and Local Lore]*. Ussuriisk, 1992, pp. 206–208. (In Russ.)
- Tabarev A. V. Dekorativnye elementy v rannegolotsenovykh industriyakh Dalnego Vostoka: problema interpretatsii [Decorative elements in the Early Holocene industries of the Far East: the problem of interpretation]. *Pozdnii paleolit – rannii neolit Vostochnoi Azii i Severnoi Ameriki: materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Late Paleolithic – Early Neolithic of East Asia]*

- and North America: proceedings of the International Conference*. Vladivostok, 1996a, pp. 213–218. (In Russ.)
- Tabarev A. V. Po sledu khaltsedonovogo tigra. Arkheologicheskii etud [On the trail of the chalcedony tiger. An archaeological study]. *Drevnee iskusstvo tikhookeanskikh kultur [Ancient Art of Pacific Cultures]*. Vladivostok, FESU Publ., 1996b, pp. 51–72. (In Russ.)
- Tabarev A. V. Kamennye figurki ryb po materialam finalnopaleoliticheskikh pamyatnikov Dalnego Vostoka: versii i interpretatsii [Stone figurines of fish based on the materials of the final Paleolithic sites of the Far East: versions and interpretations]. *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii [Stone sculpture and small plastic of ancient and medieval peoples of Eurasia]*. Barnaul, Azbuka Publ., 2007, pp. 79–81. (In Russ.)
- Uvarov A. S. *Arkheologiya Rossii. Kamennyi period [Archaeology of Russia. Stone Age]*. Moscow, 1981, Vol. 2, 267 p. (In Russ.)
- Vasiliev S. A., Bozinski G., Bredli B. A., Vishnyatskii L. B., Giryа E. Yu., Gribchenko Yu. N., Zheltova M. N., Tikhonov A. N. *Chetyrekhazychnyi (russko-anglo-franko-nemetskii) slovar-spravochnik po arkheologii paleolita [A four-language (Russian-English-French-German) dictionary-handbook of Paleolithic Archaeology]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007, 264 p. (In Russ.)
- Vasilevskii A. A. *Kamennyi vek ostrova Sakhalin [The Stone Age of Sakhalin Island]*. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin book Publ., 2008, 412 p. (In Russ.)
- Vishnyatskii L. B. Na podstupakh k iskusstvu (paleolit) [On the approaches to art (Paleolithic)]. *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropеiskoi istorii [Stratum: Structures and catastrophes. Collection of symbolic Indo-European history]*. St. Petersburg, 1997, pp. 4–19. (In Russ.)
- Volkov P. V. *Chelovek za kamnem. Arkheologiya v poslednee vremya [The man behind the stone. Archaeology in recent times]*. St. Petersburg, Platonovskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2020, 280 p. (In Russ.)
- Zamyatnin S. N. Miniaturnye kremnevye skulptury v neolite Severo-Vostochnoi Evropy [Miniature flint sculptures in the Neolithic of Northeastern Europe]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1948, Vol. 10, pp. 85–124. (In Russ.)

Сведения об авторе

Панкина Анна Ильинична

инженер, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29Б младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Россия, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
e-mail: pankina1995b@mail.ru

Information about the author

Pankina Anna Iliinichna

Engineer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 29B, Politechnicheskaya st., Saint Petersburg, 195251, Russian Federation
Junior research assistant, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East FEB RAS; 89, Pushkinskaya st., Vladivostok, 690001, Russian Federation
e-mail: pankina1995b@mail.ru